

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Поступление в Московскую духовную семинарию явилось логическим продолжением того, что было заложено в детские и юношеские годы. Это не стало каким-то переломным моментом, всё произошло так, как было угодно Господу.

В то время в семинарию принимали молодых людей, которые уже отслужили в армии, а мне это ещё предстояло. Стоял вопрос – поступать сразу после техникума или сначала пройти военную службу. И хотя меня отговаривали, я решил: поступать надо сразу.

После праздничного богослужения в день памяти преподобного Сергия Радонежского я подошёл к архимандриту Варнаве (к нему я обращался по всем духовным вопросам после отъезда из Лавры архимандрита Тихона) и спросил у него благословения на поступление в семинарию. Он мне ответил: «Дело хорошее, но ты в армии не служил, возьмут ли тебя в семинарию?» Я попросил: «Батюшка, вы помолитесь, а я обращусь к ректору, как он благословит». На следующий день утром, вместе с братом Виталием, он тогда уже учился в академии, подошёл к Владыке ректору – архиепископу Филарету (Вахромееву) и сказал: «Хочу поступать в семинарию, но ещё не служил в армии». Ответ Владыки был очень прост: «По-давай документы и готовься к экзаменам». Владыка происходил из глубоко верующей семьи, с детства был при храме, постриг принял в Троице-Сергиевой Лавре, там начинал свой монашеский и пастырский путь. Он знал всю нашу семью. Ещё находясь в братии Лавры, Владыка помнил, как все мы часто приезжали к преподобному Сергию, и знал, что я уже третий из семьи поступаю в семинарию.

По результатам экзаменов меня приняли сразу во второй класс. Я испытал большую радость от того, что меня зачислили, а когда впервые надел китель семинариста, моя душа ликовала. Ничего подобного раньше я не переживал. Мне казалось, что я – странник, прошедший долгий путь и всю дорогу мечтавший о домашнем тепле, уюте, – вдруг оказался в родном месте и среди близких людей. Хотя однокурсники мне были не знакомы (нас восемь человек зачислили сразу во второй класс), но всех

нас сблизило единство духовных взглядов и настрой на учебу. А внутренняя атмосфера школы создавала духовный комфорт.

Придя в семинарию, я впервые в жизни на длительный период оказался за пределами своего дома, но, что удивительно, при этом чувствовал, что нахожусь в своей родной среде. Вместе со мной поступили Иван Ашурков, ныне архиепископ Ставропольский и Владикавказский Феофан, и Василий Солодуха, ныне митрополит Луцкий Нифонт. Молодые люди, которые поступили тогда в семинарию, пришли в неё по религиозным убеждениям, и атеистическая среда светской школы была им, как и мне, чужда.

В стенах семинарии мы все почувствовали духовное единение, основой которого было желание служить Церкви. В школьные годы у меня были друзья среди одноклассников, но с ними меня объединяли только обычные мальчишеские интересы: ездили на рыбалку, играли в футбол, изредка вместе ходили в кино. Они безразлично относились к духовным вопросам, и их особенно не интересовало, что ты верующий человек. В старших классах и в годы учёбы в техникуме, в силу, может быть, юношеского максимализма, моими сверстниками отвергалась абсолютная вера в советскую идеологию. В 1960-х годах среди юношества падал авторитет красного галстука, и у молодёжи было модным носить крестики. Наоборот, коммунистические идеи рассматривались со скептицизмом. У молодого поколения идея «светлого будущего» начала ассоциироваться с несбыточной мечтой и стал преобладать жизненный практицизм.

Это происходило потому, что коммунистическая идеология ничего не могла дать для души, а отеческая вера была разрушена. После эпохи Хрущёва в обществе стал падать авторитет и КПСС, и самой коммунистической идеологии. В прессе стали появляться статьи, в которых ставилось под сомнение атеистическое мировоззрение. Власть партии держалась только благодаря ментальности старшего поколения и сильной связке идеологической и силовых структур (особенно ЦК КПСС – КГБ).

До революции вера у русского народа была фундаментом жизни – как отдельного человека, так и всего общества в целом. Вера открывала перспективу в будущее, а её утрата, напротив, приводила человека в тупик, а всё общество к кризису. Подобно тому, как потеря веры народом до революции привела к событиям 1917 года и их последствиям, так и потеря веры уже в коммунистическую идеологию подрывала доверие к советской власти и зарождала в людях индифферентность ко всему, что не касается непосредственно их жизни.

В семинарии я оказался в иной среде, где преобладали христианские отношения между молодыми людьми, потому и наш класс был как одна дружная семья. О первых днях, как и обо всём времени обучения в Духовной семинарии и академии, в моём сердце сохранились самые теплые воспоминания. В общем-то, ещё до поступления я был знаком с жизнью в стенах духовных школ, с их традициями и правилами внутреннего распорядка, но видел все это как бы снаружи. Мой старший брат поступил в семинарию, когда мне было двенадцать лет. Бывая в Лавре, я часто останавливался у него, так что Московские духовные школы близки мне были с детства. Но когда я сам стал студентом семинарии, то передо мною открылось нечто большее: она стала моим вторым родным домом. Если в первом я рос физически, то здесь духовно, я стал познавать глубину и духовную красоту Православия. И сейчас, когда я бываю в Духовной академии, хожу по коридорам и встречаю студентов, чувствую, что это мой духовный дом, который помог мне сформироваться.

Проучившись всего два месяца, я получил повестку из военкомата и пошёл служить в армию. Служба в армии не остудила во мне желания служить Церкви. Наоборот, я пребывал в томлении духа, ожидая, когда мои армейские дни закончатся. Но здесь Господь тоже помог. Меня определили в войска ПВО и направили в воинскую часть недалеко от Серпухова. После курса молодого бойца меня назначили старшим расчёта по наземному обеспечению установок и буквально через неделю отправили на объект, который находился в лесу. Наша дежурная группа была небольшой, всего шестнадцать человек. Там постоянно проходила ротация состава, но меня не меняли пять месяцев, я только раз в неделю приезжал на два часа в часть и опять возвращался. Основной задачей являлась охрана объекта, и я через два дня на третий выступал в наряд.

В карауле мне приходилось много ходить одному по охраняемому объекту. С собой у меня всегда был крестик и иконка Божией Матери, которые я носил в бумажнике, так что я мог постоянно молиться. Ходить приходилось по лесу, обход занимал минут 20–25, и вот идёшь и читаешь Иисусову молитву. Вспоминаю зимнюю картину: мороз, кругом бело, деревья в лесу накрыты снежной шапкой, их освещает луна, а ты идёшь в тулупе, и под ногами скрипит снег. Никого рядом нет, над тобою тёмно-синее небо, с него смотрит множество звезд, читаешь молитву, а звёзды как будто тебе вторят, славя Творца. А когда дежурил

В мае, совсем другая картина вставала перед глазами: свежая зелень, аромат от лесных цветов, первый луч солнца через лёгкий туман, пробуждающий всю природу. Оживает лес, голосят птицы, воздавая хвалу Господу. Это всё развивало любовь к созданной Богом природе. Тогда постоянно приходила мысль: какой счастливый наш народ, ведь Господь дал ему такой красивый удел – Россию, как же он должен благодарить Бога, как он должен Его любить, а он отверг Его...

Постоянное дежурство позволяло мне уделять много времени чтению. Проучившись до армии два месяца в семинарии, я многого не успел познать, но некоторый фундамент уже был заложен, и в годы службы я старался его использовать. Там не было богословской и церковной литературы, но были книги по истории, и их я прочитал почти все.

Со своими сослуживцами-солдатами я старался поддерживать дружественные отношения. Тот факт, что я не комсомолец, а они все были комсомольцами, воспринимался положительно. Некоторые к комсомолу относились негативно, понимали, что это просто «нужно». Командиры взвода, отделения и выше придерживались той же точки зрения. Командир нашего взвода, интеллигентный человек, даже с уважением воспринимал то, что в современной советской армии служит верующий человек. Может, мне везло на людей, а вернее, Господь давал таких людей, располагал их сердца к вере. В нашем подразделении служили молодые люди из других советских республик, других национальностей, в том числе мусульмане, воспитанные в своей традиции, но со всеми у меня были добрые и уважительные отношения.

Прослужил я два года и неделю. За это время шесть раз ездил домой: пять раз отпускали на двое суток и один раз – на десять. В каждый приезд при первой возможности я посещал родную Лавру.

10 ноября 1972 года я был демобилизован. После службы в армии меня восстановили в числе студентов семинарии и с первого декабря я опять сидел за семинарской партией. Новый класс также оказался дружным. Ребята помогли мне адаптироваться и наверстать пропущенный материал. Меня поселили в комнате, где жили семинаристы из разных мест: России, Украины, Белоруссии. Чувствовалось, что каждый рос в местности с разными традициями, но это не разъединяло нас, а, наоборот, делало обстановку более интересной. Помнится, как ребята из Украины, вернувшись после каникул, привезли из дома сало, пели колядки, а мы подпевали им.

С пением колядок я знаком с детства. Когда ещё учился в школе, старший брат привёз из Москвы пластинку с записями колядок в исполнении Ивана Козловского. Они были изданы как образец фольклорного искусства, и нам, детям, было интересно их слушать. Тогда мама рассказывала, что они в детстве тоже пели рождественские песни и ходили по домам – славили Христа. В семинарии, когда собирались и так пели, на душе была радость. Какие мы разные, и в тоже время едины по духу! Да что я говорю, не мы являемся едиными, а даёт это единство Господь. И какая великая у нас Церковь, сколько она нас, таких разных, собрала воедино!

Вообще атмосфера в семинарии была необычная – не мирская, а поистине христианская. Те, кто учился вместе со мной, пережили хрущёвские гонения. В то время, если человек верил в Бога, ходил в храм, участвовал в церковной жизни, живя в миру, учась в школе, чувствовал некое отличие от всех. Он не чуждался общения с людьми и был гражданином и патриотом своей страны, но был чужд духа мира. Вера обязывала его быть другим в поведении и жизни, быть Христовым. Но многие не могли жить церковной жизнью из-за боязни за семью и родных или из-за противодействия со стороны властей. А кто-то и не знал, что значит быть христианином.

Мы, семинаристы, очень ценили возможность здесь учиться. Нам хотелось стать полезными Церкви, которая терпела притеснения. У всех на памяти было закрытие храмов и монастырей, когда на монахов совершались покушения, их запугивали, возили из обителей, лишали прописки, отказывали в простом медицинском обслуживании и т. д. Был страх и у нас, что могут закрыть нашу семинарию или академию, и тогда мы не закончим своё обучение. Но Господь был милостив к нам. Старанием ректоров, архиепископа Филарета (Вахромеева) и архиепископа Владимира (Сабодана), каждый год количество учащихся увеличивалось. В сентябре 1972 года в Московской духовной семинарии сделали два первых класса, и было принято не сорок человек, как ранее, а шестьдесят (две группы по тридцать человек). Увеличение продолжилось и в последующие годы. Подобным образом росло количество учащихся и в других семинариях. Кроме Московской, тогда действовали всего две семинарии: в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) и Одессе. Так что и без открытия новых духовных школ (о чём и говорить было нельзя, власти исключали такую возможность), количество обучающихся в духовных учебных заведениях увеличивалось.

В семинарии у нас тогда сложился такой порядок: утром мы все ходили в Троицкий собор, чтобы получить благословение у преподобного Сергия, и этот обычай я сохранял до конца моего пребывания в академии. Сходить помолиться Преподобному для нас было не только одним из пунктов распорядка, мы явственно чувствовали его реально действующую помощь.

После окончания уроков был обед, а потом два часа свободного времени до 17.00, когда по распорядку дня начинались вечерние занятия. Остальное время мы проводили, в основном, выполняя послушания или готовясь к занятиям.

В свободные от занятий часы я не любил бродить по городу и вообще тратить время зря. Если когда и выдавался час-другой, то старался что-нибудь почитать. Работа с книгой была для меня самым важным делом. Да и другие семинаристы в свободное время часто сидели в аудитории, а на вечерних занятиях классы были полны, все студенты усердно занимались. После ужина многие шли в класс. У каждого на столе находилось до десятка разных книг, и мы старались прочитать и проработать как можно большее их количество.

Почти каждый день после занятий мы бывали в библиотеке. Интерес к книгам у меня был с детства, ещё в школьном возрасте мы с младшим братом стали создавать свои библиотеки духовной литературы. Когда старший из нас, Николай, учился в семинарии, он был близок к епископу Волоколамскому Питириму (Нечаеву) и помогал ему в Издательском отделе. Он постоянно привозил домой книги, и мы, вслед за ним, тоже стали собирать свои библиотеки. Поступив в семинарию, я смог посещать уникальную библиотеку, где меня поразило количество и разнообразие книг. Такое чувство было почти у каждого, ведь многие из нас в советское время, чтобы изучить какой-нибудь вопрос, обращались к светским авторам, но, читая их, делали поправку на то, что материал был изложен с атеистических позиций. Поэтому в семинарии мы стремились максимально использовать те возможности, которые давала библиотека.

Помню, преподавал у нас игумен Иоанн (Маслов), постриженник Глинской пустыни (её закрыли 4 июля 1961 года). Бывало, он на вечерних занятиях зайдёт в класс, пройдётся по рядам, посмотрит, кто чем занимается, ответит на вопросы и обязательно несколько слов наставления скажет. Отец Иоанн всегда призывал не допускать праздности, т. к. от праздности все пороки. Я помню, как-то его спросили, что делать, если устал читать. Он ответил: «Немного прервись от чтения и помолись».

Если не готов будешь читать эту книгу – тяжело, возьми почитай другую, полегче».

Я действительно тогда усвоил – когда работаешь с книгой, следует после определённого времени поменять тему, чтобы ум немного отдохнул, а потом продолжить. Я стал брать для просмотра изданные до революции альбомы о святых местах, особенно про Иерусалим и Святую Гору Афон. Читая необходимые для учебы книги, я делал перерывы, чтобы полистать эти альбомы. Получалось, что и мысли праздно не блуждают, и узнавал новое, и голова отдыхала.

Большое влияние на меня оказали преподаватели семинарии и академии того времени. С благодарностью и любовью я вспоминаю протоиерея Александра Ветелева, который вёл Нравственное богословие; монаха Василия (Сарычева), профессора МДА, преподававшего Догматику; протоиерея Иоанна Орлова – преподавателя Ветхого Завета; архимандрита Иоанна (Маслова), который был для нас примером твёрдого духовного настроения и ревности в молитвенном делании.

Вера с каждым днем становилась во мне более осознанной. Этому способствовало изучение богословских дисциплин, строй жизни в семинарии, написание сочинений и проповедей, что требовало от меня не только прочтения, но и осмысление многих творений святых отцов. Все это имело для меня важное духовное значение.

После окончания третьего курса семинарии меня пригласил к себе Владыка ректор и предложил летом сдать экзамены за четвёртый курс, чтобы с первого сентября меня можно было зачислить в академию. В академии заниматься было интересней: здесь ожидало много нового – новый подход, новая методика преподавания, новые профессора, новые предметы, более сложные, чем в семинарии, и темы изучались более глубоко. Тогда мы познакомились с протоиереем Алексием Остаповым, преподававшим Историю Русской Церкви; доктором богословия К. Е. Скуратом, профессором А. И. Георгиевским, доцентом А. П. Горбачевым, профессором А. И. Осиповым и другими. Все они внесли большой вклад в наше понимание Православия. Вспоминая их, думаешь: сколько они знали и как любили академию – они жили ею.

Во время обучения в семинарии и академии мне пришлось нести разные послушания: пономарить, петь в будние дни на клиросе, дежурить по храму, работать на кухне, помогать в организации праздников. На третьем курсе семинарии меня

стал постоянно привлекать на послушание инспектор семинарии архимандрит Александр (Тимофеев), поручая мне различные общественные мероприятия, включая организацию экскурсий и поездок студентов по историческим городам и проведение Рождественских праздников. На втором и третьем курсах академии мы вместе с Павлом Бильченко, ныне архиепископом Полоцким и Глубокским Феодосием, работали в библиотеке.

Такая общественная работа полезна. Одно дело, когда мы имеем общение в классе, или совместно проводим свободное время, совсем другое, когда находишься на послушании, у тебя появляется чувство ответственности и взаимодействия с однокурсниками. Когда помощник инспектора объявлял, что такой-то курс идёт на послушание, и называл имена участников подготовки мероприятия, то всегда это нами воспринималось как должное. Участвуя в такой работе, мы не только общались друг с другом, но у нас развивалось взаимоуважение. А когда мне поручали подготовку мероприятия, то я чувствовал личную ответственность за его успешное проведение. Потом я понял, что это тоже педагогический метод подготовки пастырей для будущего церковного служения. К таким послушаниям привлекали не только меня, но и других студентов, а каждый из нас, после окончания семинарии или академии, готовился к служению на приходе, поэтому было важно обрести опыт организации работы, пусть даже в коллективе, где все тебя поддерживают.

Когда я нёс послушание в алтаре, то смог лучше познакомиться с архиерейским богослужением, и в то же время увидел и другую сторону служения епископа, как попечителя о делах церковных. За годы моего пребывания в семинарии и академии было два ректора: архиепископ Филарет (митрополит Минский и Слуцкий) и архиепископ Владимир (митрополит Киевский и всея Украины). Видя их труды, я стал понимать, что архиерей – это не только священнослужитель, красиво совершающий богослужение и произносящий пламенную проповедь. Объем работы наших владык ректоров порой просто поражал. Они возглавляли богослужения, читали лекции, проводили семинары и общественные мероприятия, постоянно ездили в командировки.

Особенно хотелось бы отметить ректорство будущего митрополита Киевского Владимира. Для меня показательна была его высокая образованность, чёткость изложения мыслей, понимание собственного дела. В то же время его мягкий подход к студентам не мог не вызывать к нему симпатии. В некотором смысле сочетание во Владыке этих качеств было примером для

нас, студентов. Я видел в нем архиерея, который постоянно был устремлён в служение. Каждый день он ходил к мощам преподобного Сергия и очень часто совершал там молебны. При нём в академическом храме были регулярные архиерейские служения, он часто совершал акафист Покрову Пресвятой Богородицы. Мне кажется, что вот эта его любовь к службе настраивала студентов на правильное отношение к совершению богослужения.

Будучи ректором, Владыка Владимир любил проповедовать. Он благословил за каждой воскресной и праздничной литургией произносить две проповеди, после прочтения Евангелия проповедовал кто-то из преподавателей, а на запричастном стихе – студент семинарии или академии. Бывали случаи, когда кто-то из преподавателей не приходил, тогда сам Владыка после прочтения Евангелия шёл и проповедовал. Его проповеди были увлекательны, динамично развивалась мысль, и всегда смыслом сказанного было спасение людей. Мы, студенты, с удовольствием слушали владыку. И, самое главное, дух его ревностной настроенности впитывался в наше сознание.

Владыка Владимир был не только начальником, но и наставником, и помощником в решении наших студенческих вопросов. Находясь в кабинете, он никогда не закрывал дверь, и к нему мог зайти любой студент для решения своей проблемы. Но было и так: гуляет он в академическом садике, кто-то подойдёт под благословение, а он не просто сухо благословит, а заговорит с ним, расспросит об учебе, о жизни, о планах на будущее.

По должности владыке приходилось встречаться с людьми светскими. Как тактично он мог объяснить им любую ситуацию! Можно сказать, что за студенческие годы я глубже узнал, кто такой архиерей, и у меня сложилось более полное и глубокое представление об архиерейском служении.

В конце третьего курса мне предстояло выбрать тему кандидатской диссертации. Интерес был к двум предметам – Патрологии и Пастырскому богословию, также мне нравилась дисциплина Византология. В предложенном перечне тем я не нашёл для себя ничего, что меня бы заинтересовало. Я подошёл к инспектору академии архимандриту Александру, преподававшему у нас Пастырское богословие, и спросил, не предложит ли он какую-нибудь тему. Через два дня он предложил мне тему «Духовный облик и поведение пастыря». Я с интересом взялся за её разработку. Во время летних каникул изучил творения многих святых отцов, их видение священнического служения.

В основу работы положил понимание священства святителями Иоанном Златоустом и Григорием Богословом, а также другими отцами Древней Церкви и нашими подвижниками XIX века – святителями Феофаном Затворником и Игнатием Брянчаниновым. Изучение этой темы и написание работы дало мне многое: если я с детства просто любил служение священника, то теперь у меня появилось осознанное понимание этого служения. С юных лет мне приходилось читать жития святых, поучения святых отцов, в академии я изучал патрологию, но, работая над диссертацией, открыл для себя много нового. Я понял, что слово святых отцов, основанное на Евангелии, не перестаёт быть актуальным, и нам необходимо знать их учение, обращаться к их опыту и беречь его. В том и сила Церкви, что она хранит учение Христово в понимании богодухновенных святых отцов.

Работу защитил успешно. Академию окончил с одной четверкой по дисциплине «Западные исповедания». На экзамене ответил правильно на два основных вопроса по билету, но при ответе на дополнительный вопрос: «Какое значение для Англиканской Церкви имеет Ламбертская конференция?» – не полностью его раскрыл. Указал, что эта конференция собирается раз в десять лет, участвуют в ней все епископы, обсуждают вопросы внутренней жизни, социального служения, миссии в современном мире, но упустил тот факт, что принятые там решения не являются обязательными к исполнению во всём содружестве англиканских церквей. Думаю, Господь это попустил для смирения. За всё слава Богу!

На этом завершился мой студенческий период жизни. В день выпуска было жалко расставаться с теми, с кем столько времени мы были вместе. Шесть человек с нашего курса остались при академии, трое – в Троице-Сергиевой Лавре, а остальные разъехались на приходы в разные уголки страны.

Годы учёбы пролетели быстро, но они дали мне много. Когда поступал в семинарию, думал, что готов к любому служению, однако студенческое время показало, как велика и необъятна область познания, особенно познания богословских истин и духовных законов жизни человека. Нельзя сказать, что в семинарии и академии мы во всей полноте изучили богословие, церковную историю, литургику, нам лишь открыли дверь к изучению, дали ключ к пониманию всех церковных наук. А изучать мы их должны всю жизнь. И сейчас при совершении богослужения мне открывается с новой стороны его внутренне содержание ранее неведомое внутреннее его содержание, а во время

чтения Святого Евангелия глубже познается смысл слов Христа, становится понятнее святоотеческое учение о христианском подвиге. И все это зиждется на фундаменте, который был заложен в годы студенчества. Спасибо наставникам и духовным руководителям, что они научили любить Христа и Его Церковь, любить богословскую науку и раскрыли понимание священнического служения. Во время благодарственного молебна в Троицком соборе я благодарил преподобного Сергия, что он сподобил пройти годы обучения под его сенью. Впереди ждала другая школа – школа жизни.

ПРИНЯТИЕ МОНАШЕСКОГО ПОСТРИГА

После окончания академии меня оставили в ней помощником инспектора и профессорским стипендиатом, а в сентябре я был определён преподавателем по сектору заочного обучения. Первые шаги всегда волнительные и непростые, сразу появилась большая нагрузка по дежурству и выполнению различных послушаний: проводить собеседование с абитуриентами, распределять послушания, участвовать в принятии экзаменов у заочников. Свободного времени практически не было. Но всё же главным для меня было определение дальнейшего моего служения в Церкви, и думал я только об одном – о монашестве.

Монашеский путь меня привлекал с детства. За годы учёбы в семинарии и академии желание принять монашеский постриг окрепло и развилось, стало более осозанным. Если в детстве и даже ещё в семинарские годы я, зная, что монахи большую часть времени пребывают на богослужении и у них особое правило, видел в этом внешнюю привлекательность, то к концу обучения стал понимать: человек должен принимать монашество прежде всего для совершения внутреннего подвига.

Проучившись около месяца в семинарии, я, в силу своей молодости, думал, что уже готов вступить на этот путь и принять сан, чтобы служить в Церкви. Были у нас такие случаи, когда студенты, проучившись год в семинарии, стремились на приход, женатыми или монахами, обращались к архиерею и их совсем молодыми определяли на приходское служение. Подобная мысль появилась тогда и у меня: ведь в храм хожу с детства, последование богослужения знаю, кадить умею, так что можно и рукополагаться. С такими мыслями на праздник Воздвижения Животворящего Креста Господня в 1970 году я подошёл к своему

духовнику архимандриту Варнаве и спросил его о возможности поступления в монастырь и принятии монашества. Я надеялся, что он меня поддержит, но услышал короткий и определённый ответ: «Поступил в семинарию, надо поучиться». Конечно, зная монашескую жизнь, он хотел, чтобы, с одной стороны, я больше испытал себя, а с другой – лучше осознал, что такое монашество и вообще пастырское служение.

В последующие годы обучения и даже во время службы в армии мысль принять монашество меня не оставляла, и эту тему я постоянно изучал, читая литературу или беседуя с людьми, знающими эту жизнь.

В конце первого курса академии я обратился за благословением на принятие монашества к инспектору академии архимандриту Александру, но он посоветовал мне сначала закончить учёбу, и после того, как получу образование, принимать монашество, «а то, – сказал он, – ты не сможешь выполнять монашеское правило и учиться. Учёба требует отдачи многих сил и времени, а, приняв монашество, нужно будет ещё научиться быть монахом». Услышав такой ответ, я в полной мере ещё не понимал, почему мне советуют не торопиться. Я думал, что наоборот, пока нахожусь в академии, мог бы научиться слушать, совершать требы, и к концу учебы приобрел бы какой-то пастырский опыт. Мне казалось, что ждать два года – это много. Но они прошли незаметно.

После окончания академии мысль о принятии монашества ещё больше во мне укрепилась. Учёба дала мне многое и в понимании избранного пути. Этому способствовала также близость монастыря и работа над диссертацией. Тогда я смог изучить труды многих святых отцов, лучше оценить их важность для духовной жизни. Святоотеческие высказывания глубоко запали в моё сознание, они и сейчас помогают в моём служении. Тогда я благодарил своих мудрых наставников, которые подсказывали мне правильный путь. Я неоднократно и внимательно осмысливал их слова и потом сам приходил к выводу, что, приняв постриг раньше, я мог отнестись к нему чисто внешне.

В августе 1978 года я ещё раз подошёл к архимандриту Александру с этим вопросом. Он сказал мне просто: «Ну, готовься». Новое послушание помощника инспектора и участие в работе сектора заочного обучения отнимали много времени. В начале ноября во время одного из дежурств я зашёл к Владыке ректору по какому-то вопросу. Решив его, я собрался уже выходить из кабинета, но Владыка меня задержал: «У меня есть

тоже вопрос. Желание принять монашество осталось?» Я ответил утвердительно. Тогда он сказал, чтобы я подавал прошение. В тот же день прошение лежало у него на столе.

В первый день Рождественского поста, 28 ноября, я дежурил по академии. После третьего урока в 11:40 обычно бывает полдник у студентов, его проводит дежурный помощник, а затем сам идёт на полдник в профессорскую комнату на втором этаже. В этот день я, придя в профессорскую, сел на свободное место. На полднике уже были Владыка ректор, отец инспектор и человек пятнадцать преподавателей. Владыка, увидев меня, о чём-то стал говорить с отцом инспектором. После окончания полдника инспектор попросил меня зайти к нему в кабинет. Когда я вошёл, он знаком руки предложил мне сесть, а сам сосредоточенно листал календарь. Через некоторое время он сказал: «Святейший Патриарх благословил постриг в монашество, смотрю, в какой день удобней его совершить». После небольшой паузы продолжил: «Наверно, лучше в четверг, на следующей неделе. В среду закончится ваше дежурство, вы отдохнёте, а после пострига две ночи нужно находиться в храме. С отцом Иеронимом, наместником Лавры, всё обговорили. Что необходимо для пострига, они подготовят. Надо подойти в Лавре к рухольному, архимандриту Сергию, он всё знает. Постриг будет совершён в Троицком соборе».

Так определился день моего пострига. Я испытал большую радость от того, что постриг будет совершаться возле раки с мощами преподобного Сергия, любимого мною с детства. После очередной перемены, во время пятого урока, пока студенты были на занятиях, я пошёл в Троицкий собор, чтобы приложиться к мощам Преподобного и попросить его помощи. В этот же день я сообщил радостную новость маме и братьям и пригласил их приехать.

На следующий день, после окончания дежурства, я созвонился с отцом Сергием и пошёл к нему в рухольную. Он принял меня со словами: «Поздравляю, ну, наконец-то решился. А то всё ходишь, и никак не определишься». Отца Сергия я знал ещё молодым иеромонахом. Он поступил в братию Лавры во время учебы в академии, а когда на последнем курсе он писал кандидатскую работу, я возил его рукописи в Коломну к машинистке Татьяне, благочестивой христианке, также постоянно посещавшей Лавру. Отец Сергей всегда был приветлив. Когда ещё до поступления в семинарию я приезжал в Лавру, то он, встретив меня, непременно водил на обед в братскую

трапезную. Во время моего обучения в семинарии он нередко приглашал меня к себе на чай, иногда я встречал его у владыки Варнавы. Приезжал отец Сергей и к нам в Удельную, так что нашей семье он был близок. Для пострига отец Сергей дал мне большую восковую свечу, которую ему специально привёз кто-то из сельских священников, а также ручной крест, крест для парамана и параман. Работницы рухольной сняли с меня мерки, чтобы сшить необходимое для пострига, и обещали за неделю всё подготовить.

После беседы с архимандритом Александром, во время которой он назвал день пострига, как будто во мне что-то изменилось: внешне всё протекало по-старому, но внутреннее моё состояние было уже настроено на другую жизнь. Сердце одновременно наполняли и радость, ведь скоро должно свершиться давно желаемое, и страх перед новым, ещё мне неведомым. «Каким я буду монахом?» – часто в те дни задавал я себе вопрос. Перед мысленным взором появлялись образы знакомой мне лаврской братии и учителей монашества ранней Церкви, подвижников наших монастырей в прошлом, особенно Оптиной пустыни, и наше учёное русское монашество, среди которых особо выделяются святители Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник. Я тогда ещё раз пересмотрел сделанные мною записи о священстве, монашестве и вопросах духовной жизни. Все эти дни я старался чаще бывать в Троицком соборе и в молитве особо просил игумена Земли Русской «уразумения» монашеского подвига.

Накануне пострига я пошёл на полную исповедь к духовнику Лавры архимандриту Кириллу (Павлову). Я стал исповедоваться у него после того, как архимандрит Варнава в 1976 году был хиротонисан во епископа и назначен для служения в Чебоксары.

Эта исповедь, также как ставленническая исповедь перед рукоположением, имеет особое значение. Человек заново осмысливает свою жизнь, он должен «переворошить» всю свою душу, чтобы её очистить, должен вспомнить, не забыто ли что на предыдущих исповедях или, может быть, что-то не исповедано по человеческой слабости, невниманию или ложному стыду. Осознаны ли были при прошлых исповедях грехи, или покаяние в них было формальным.

Постриг был совершён в Троицком соборе Лавры после вечернего богослужения 7 декабря, накануне дня памяти священномученика Климента Римского. И мне было дано имя этого

святого. Постриг совершил инспектор Московских духовных академии и семинарии архимандрит Александр, а восприемником при моём пострижении был архимандрит Кирилл.

Помню, после вечернего богослужения я пришёл в Троицкий собор, в Сарапионовой палате стал готовиться к постригу. В знак отречения от всего мирского снял светские одежды, надел срачицу (льняная рубаха до пола) и поднялся наверх по лестнице ко входу внутрь собора. Сквозь приоткрытую дверь я видел, что внутри собора было темно, горели только свечи и лампы, и доносились тихие голоса собиравшегося народа. Я с трепетом ждал, когда придут за мной. Чувствовал себя блудным сыном, возвратившимся к отцу. Тут вижу, народ расступается, и ко мне направляется братия с зажжёнными свечами, в мантиях, а впереди идёт отец Кирилл. Я лёг на дорожку (при постриге во время пения тропаря «Объятия Отча» постригаемый из конца храма ползёт к соле, трижды останавливается и простирает руки, прообразуя этим своё сораспятие Христу). Когда запел хор, собор наполнился необычной благодатной атмосферой молитвы. Я начал ползти... Братия накрывала меня своими мантиями, а я повторял слова тропаря, обращаясь к милосердию Божию: «Ныне обнищавшее мое да не презриши сердце, Тебе бо, Господи, со умилением зову: согреших, Отче, на небо и пред Тобою». В этот день эти слова для меня звучали по-иному. Мне раньше приходилось бывать на постригах, неоднократно я слышал этот тропарь в Неделю о блудном сыне, но сейчас в них для меня раскрывался другой смысл.

У солеи архимандрит Александр ещё раз, испытывая моё намерение, задал вопрос: «Что пришел еси, брате, припадая к святому жертвеннику и святой дружине сей?». И что я мог ответить, как не те слова, которые в сердце моём звучали от дней юности: «Желаю жития постническаго, честный отче». И вновь звучит вопрос: «Желаеши ли уподобиться ангельскаго образа и вчинену быти лику монашествующих?» – «Ей, Богу содействующу, честный отче», – а мог ли быть другой ответ? Может ли сам человек совершить свое спасение вне Христа? Нет. Не может и исполнять монашеские обеты без помощи Божией, человеческие силы здесь слабы, и опасно, если монах полагается на себя, а не на Бога. В этом диалоге заключается и сознание своей немощи, и смирение, и преданность воле Божией.

После пострига я два дня находился в храме. Ночью читал каноны, Псалтырь, Евангелие. На Литургиях причащался Святых Христовых Таин. Перед обедом приходили студенты, и мы

строем шли в трапезную. Подкрепив силы телесные, я опять возвращался в храм. В эти дни храм был моим домом.

24 декабря того же года архиепископом Дмитровским Владимиром я был рукоположен во иеродиакона, а на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы 7 апреля следующего, 1979 года, во иеромонаха. В 1981 году на праздник Покрова Божией Матери меня возвели в сан игумена, а в следующем году в сан архимандрита.

Перед каждой хиротонией я также проходил полную исповедь. Только в этих случаях ставленник ещё подписывает присягу. Этот документ отличается от привычных для нас бумаг. Присяга даётся на верность служению Богу, обещание во всех делах и мыслях иметь не свою честь и выгоду, а славу Божию и спасение ближних, сохранять веру, оберегать других от ересей и расколов, заблудших наставлять на путь истины и спасения, богослужения и таинства совершать со тщанием и благоговением, ничего произвольно не меняя. Присяга имеет важное значение для священника, и принимающий сан должен вникнуть и понять смысл её слов. Священническое служение ответственно, и я, держа в руках этот документ, сознавал, что дам ответ Богу за то, как буду его совершать.

Хиротония – это особое священнодействие, совершитель которого – Дух Святой. Архиерей же является проводником благодати. Вхождение в святой алтарь и тоекратное обхождение престола имеет особое значение, происходит добровольное посвящение себя Христу. Человек уже всецело принадлежит Богу, он уже не мирянин, а священнослужитель, носитель благодати. С момента хиротонии начинается его служение, его проповедь, его миссионерство, его пастырство. Преклонив колена перед престолом, я услышал тихий голос: «К великому служению приступаешь, проси помощи Господней». Это давал последнее наставление Владыка ректор, побуждая меня к сугубой молитве, а сам он возвёл духовные очи к Богу, призывая Божественную благодать, которая «немогущая» врачует и «оскудевающая» восполняет.

Через хиротонию человек призывается на новое служение, ему даётся больше внутренних сил, но по своей человеческой природе он остаётся тем же. Страстное греховное начало в нём не изглажено, но на него возлагается новый крест, совмещающий крест личный и кресты его паствы, за которую он также в ответе. Я понимал: священнику, чтобы успешно проходить служение, нужна помощь Господня, нужен личный подвиг, нужно ещё

научиться молиться, предстоять перед престолом за паству, нужно больше возлюбить Бога и вверенный народ, нужно себя отдать Церкви.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

Приняв сан, я старался чаще служить, и каждая служба приносила мне внутреннюю радость. Но кроме богослужения, на мне оставалось послушание по академии и семинарии. В январе 1979 года (со второго полугодия) я стал преподавать Общецерковную историю в третьем классе семинарии. На первом уроке мне было как-то не по себе оттого, что я должен учить других в тех же стенах, где совсем недавно сам сдавал экзамены. Я чувствовал, что имеющегося в конспектах материала недостаточно, чтобы заинтересовать студентов, нужно находить новое. Тогда я понял, что предела обучению нет. Чтобы вести ко Христу людей, имеющих сегодня доступ к любой информации, как положительной, так и отрицательной, нельзя ограничиваться только теми знаниями, которые получены за годы учёбы.

В новом учебном году мне добавили ещё и Историю Поместных Церквей в четвёртом классе. В программу этой дисциплины входила история Православия в Америке, так что за три года до назначения на епископскую кафедру в Соединенные Штаты я стал изучать служение там наших миссионеров. Я рассказывал тогда о русских первопроходцах, которые пришли на Аляску и принесли туда первые семена Православной веры и нашей духовной культуры, и не предполагал, что мне предстоит увидеть те места, где жили преподобный Герман Аляскинский, святой Иннокентий – «апостол Америки».

Преподавая историю, я старался изложить материал так, чтобы он вызывал интерес у студентов, чтобы у них появилось желание заглянуть в книгу и узнать об этом ещё больше. Чтобы через изучение истории они почувствовали промыслительное водительство Церкви Христовой на земном пути и узнали, как исполнялись слова Христа о проповеди Евангелия «до края земли».

Ещё одно послушание Церкви мне дали в то время – представлять Московские духовные школы в Синдесмосе. Это движение возникло в 50-е годы XX столетия на Западе. Оно было образовано русской эмиграцией для сохранения и передачи православных традиций своим детям, молодому поколению,

которое оказалось в неправославной среде – по преимуществу католической и протестантской.

Сегодня это движение объединяет молодёжные организации православных Поместных Церквей и их духовные учебные заведения. Основное внимание в своей работе Синдесмос уделяет глобальным вопросам современности и проблемам православной молодёжи, имеющим общий для всех характер.

Членами Синдесмоса являются греки, сербы, болгары, румыны, а также православная молодёжь Франции, Америки, Польши, Финляндии. Однако личного членства в Синдесмосе нет, в него входят только организации. В него входили и Московские духовные школы. В 1977 году меня направили в качестве представителя Московской духовной академии на Генеральную ассамблею Синдесмоса. В последующие годы, представляя наши духовные школы, я участвовал по линии Синдесмоса в работе различных конференций в Финляндии и Франции.

В январе 1982 года я был на конференции богословских школ, которая проходила в Свято-Владимирской семинарии в США. На этой конференции я познакомился с преподавателями Свято-Владимирской семинарии, других семинарий Америки, с руководством Американской Православной Церкви. Тогда же я посетил представительство Святейшего Патриарха в Нью-Йорке – Свято-Никольский собор, в котором служил протоирей Аркадий Тыщук.

Возможно, некоторый мой опыт взаимодействия с другими православными Церквями и церковными организациями митрополит Минский Филарет не оставил без внимания, и в каком-то смысле это повлияло на моё дальнейшее служение в Церкви, а именно – мне предстояло ехать работать к нашим соотечественникам за границу. Но всё я старался воспринимать с ответственностью, не ища своего – что выгодно для меня. Я считаю, важно выполнять то, что нужно Церкви.